

**ЗАПИСКИ**  
**ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ**  
**ИМПЕРАТОРСКАГО**  
**РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА**

---

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

---

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

**1900.**

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРѢХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

---

**С.-ПЕТЕРБУРГЪ.**

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

**1901.**

этнографической литературѣ. Разумѣется не такого изданія заслуживаютъ эти коллекціи. Къ описанію нуженъ атласъ рисунковъ хотя бы только наиболѣе интересныхъ вещей. Рисунки не роскошь, а необходимость при такомъ изданіи, и мы увѣрены, что и авторъ и Н. М. Мартыяновъ смотреть на дѣло также и только недостатокъ средствъ заставилъ ихъ ограничиться тѣмъ, что вышло теперь. Намъ остается только пожелать, чтобы просвѣщенные лица, столько разъ помогавшія Минусинскому музею, оказались бы и на этотъ разъ на высотѣ своей задачи и помогли бы г. Мартыянову довершить уже на три четверти оконченное предпріятіе.

**Д. Клеменць.**

**292. Этюды по армянской діалектологіи.** Левона Мсеріанцъ. Часть I. Сравнительная фонетика Мушскаго діалекта въ связи съ фонетикою Грабара. Москва 1897 (Изъ «Ученыхъ Записокъ» Имп. Москов. Унверситета, отдѣлъ Историко-Филологическій, вып. XXIV-й), стр. XXIV — 146.

Въ предлагающей книгѣ г. Мсеріанцъ имѣетъ въ виду весь армянскій языкъ, хотя она и озаглавлена этюдами по армянской діалектологіи. Отъ широкой постановки вопроса, въ настоящее время невыполнимой, главный предметъ работы, именно мушскій діалектъ въ его звуковыхъ явленіяхъ, сократился сильно и, что особенно жаль, сама работа предстала намъ безъ основы, т. е. безъ діалектическихъ текстовъ, собранныхъ изслѣдователемъ.

Въ изложеніи г. Мсеріанцъ держится такого порядка: по поводу извѣстнаго звука онъ сначала говоритъ объ индоевропейскихъ соответствіяхъ, затѣмъ приводитъ нѣсколько случайныхъ наблюденій объ этомъ звукѣ въ «грабарѣ» и, наконецъ, о томъ, какія соответствія оказались въ мушскомъ для этого же «грабарнаго» звука. Какой либо руководящей мысли или ряда общихъ положеній, силачивающихъ эти три самостоятельныя части, водно, у г. М-ца мы не находимъ.

Индоевропейскія сближенія вовсе не служатъ дѣйствительнымъ введеніемъ къ параграфамъ о мушскомъ діалектѣ, предметъ настоящей работы; внутренней связи между разсужденіями объ индоевропейскихъ эквивалентахъ армянскихъ звуковъ и параграфами о тѣхъ же звукахъ въ мушскомъ діалектѣ никакой нѣтъ; всѣ эти разсужденія объ индоевропейскихъ эквивалентахъ по существу могли быть опущены въ настоящей работѣ.

Независимо отъ этого, сами по себѣ эти разсужденія объ армянскихъ звукахъ въ связи съ индоевропейскими основаны на разсмотрѣніи немногочисленныхъ, даже единичныхъ и болѣею частью исключительныхъ случаевъ нахожденія того или другого звука, напр. изъ § 169 (стр. 124) мы узнаемъ, что «грабарное z соответствуетъ слѣдующимъ звукамъ индо-европ. праязыка:



древнеармянским гласным е [бываетъ и а] передъ г и съ обычнымъ суффиксомъ ак при гласной темъ представляетъ основу \*ге, которая черезъ закономерное праармянское \*ǵē вполне покрываетъ персидское *دی очера*.

2) *արդեղ* = *ἀρχέω* (§ 125,1). Любопытно бы знать, какъ можно объяснять при такой этимологіи коренное *ղ*? Вѣдь это *ղ* не окончаніе причастія или неопр. наклоненія! Впрочемъ если бы и нашлось какое либо ухищренное толкованіе, оно не устранило бы семитическаго происхожденія этого корня: *արդեղ* — заимствованное изъ сирійскаго слова, четырехбуквенный корень *دحز* *спуталз, задержалз*, при томъ съ вульгарнымъ произношеніемъ *д* (к), какъ г.

3) *kr̄el* [въ моей транскрипціи *kr̄el*] сопоставляется съ греческимъ *βρυγμός скрежетъ*, *βρύχω скрежетать*, между тѣмъ корень даннаго армянскаго слова и не арійскій вовсе: онъ примыкаетъ къ грузинскимъ корнямъ *kr̄t* (отсюда *kr̄eṭa скалить зубы*) и *ǵrt* (отсюда *ǵreṭa скалить зубы, равно скрежетать* и *ǵrt̄ena скрежетать*: о происхожденіи же этихъ грузинскихъ корней въ другомъ мѣстѣ, именно въ готовящейся мною работѣ о родствѣ грузинскаго языка къ семитическимъ).

4) Очень часто встрѣчаемъ сопоставленіе *սխալեմ* *ошибаюсь* съ др.-инд. *skhalāmi*, греч. *σφάλλομαι*, такъ на стр. 119, § 158. Пока можно сомнѣваться въ этой этимологіи *սխալեմ*, такъ какъ основа его *սխալ* *ошибка*, пожалуй, заимствованное спр. слово, треб. корень *سح* (Pa) значить *согрѣшилъ, ошибся, յճահած یرքա*.

5) Въ толкованіи формы *բերէ* и т. п. (на стр. 44, § 29) полугласное у (*յ*) для г. М-ца, какъ и для Гюбшмана является эквивалентомъ инд.-евр. *t*; это, по моему, не такъ. Г. М-цу извѣстно мѣние *Bartholomae* о выпаденіи *t*; однако не только въ 3 л. наст. глаголовъ (какъ *Bartholomae*), но и во многихъ другихъ случаяхъ отождествленіе арм. у (*յ*) съ инд.-евр. *t* я считаю плодомъ недоразумѣнія. Такъ напр. *հար, մար* и *երար* восходятъ къ праармянскимъ \**fāḏ*, \**māḏ* и \**br̄āḏ*, и во всѣхъ этихъ случаяхъ *յ* (*y*) вмѣстѣ съ предшествующимъ *ա* (*a*) составляютъ одинъ въ корнѣ дѣльный звукъ — двугласное *ար* (*ay*), соответствующее до-«грабарному» *ā*, которому въ «грабарии» соответствуетъ *au* и *av* (отсюда чередованіе *au* съ *av* въ склоненіи этихъ словъ, напр. въ род. *հար, մար* и т. п.).

6) Очень часто приводится у г. М-ца въ фонетическихъ сближеніяхъ съ пидоевр. праязыкомъ слово *բայլ* *волкъ*, но это слово должно быть оставлено въ покоѣ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока отношенія груз. и арм. языковъ не будутъ научно установлены. Г. М-ць находятъ возможнымъ на стр. 145 въ *Addenda* и *corrigenda* къ § 81,2 оспаривать грузинское происхожденіе этого слова. Но на какомъ основаніи?

7) На стр. 3, § 1,5 армянское *սիւլ նակավանյա, քամի* г. М-цъ производятъ отъ др.-инд. *śīlā-*, означающаго *камень*. Какимъ образомъ армянское *ս* (а) могло получиться при др.-инд. *i*? *սիւլ* не имѣетъ никакого отношенія къ арийской семьѣ языковъ, это до-арийское армянское слово, общее у армянскаго съ грузинскимъ: на груз. оно звучитъ *salī* и означаетъ *скала, утесъ*, отсюда *salī gulī твердое, какъ камень сердце*.

Но я мнвую индоевропейскія сближенія г. М-ца съ ихъ, какъ мнѣ кажется, шаткою основою, тѣмъ болѣе, что авторъ имѣетъ возможность отвѣтить намъ словами Брута: *We do it not alone*.

Обратимся къ параграфамъ о «грабарѣ», болѣе подробнымъ и болѣе самостоятельнымъ.

«Грабаръ» на армянскомъ языкѣ значитъ писанный, литературный языкъ; обыкновенно подъ этимъ терминомъ понимается древне-армянскій литературный языкъ. Но понимаемый въ этомъ общепринятомъ смыслѣ «грабаръ» имѣетъ такія крупныя подраздѣленія, что лингвисту пользоваться ими подъ однимъ общимъ терминомъ никакъ нельзя, ибо подъ «грабаромъ» можно понять 1) до-классическій древнеармянскій литературный языкъ, 2) классическій литературный языкъ (съ схоластическимъ его вырожденіемъ) и 3) средневѣковый литературный языкъ. Г. М-цъ даетъ въ одной сноскѣ (стр. VI, прим. 1) опредѣленіе того «грабаръ»а, который онъ собственно и подразумѣваетъ въ настоящемъ изслѣдованіи. Это опредѣленіе гласитъ:

«Древне-армянскій литературный языкъ, по арм. *grabaṙ* (т. е. письменный [*gig* = письмо], книжный), извѣстенъ въ памятникахъ, начиная съ «V в. по Р. X., когда былъ составленъ *новый* армянскій алфавитъ св. Месропомъ. Въ противоположность грабару, *народный, живой* языкъ называється по арм. *ašarhabar* (*ašarh* = мѣръ, свѣтъ)».

И такъ «грабаръ» есть, по г. М-цу, письменный языкъ, начинающійся съ V вѣка и кончающійся... когда?

Но это впрочемъ формальная неточность опредѣленія г. Месрианца. Изъ всей работы достаточно ясно, что подъ названіемъ «грабаръ» г. М-цу хотѣлось привлечь классическій литературный языкъ. Когда г. М-цъ исходитъ отъ «грабара», то онъ исходитъ или старается исходить отъ формъ классическаго литературнаго языка. Этотъ «грабаръ» г. М-цъ непосредственно сопоставляетъ съ одной стороны съ индоевроп. праязыкомъ, съ другой стороны — съ мушскимъ діалектомъ. По моему, это неправильно. Въ сопоставленіяхъ съ индоевр. языкомъ слѣдовало бы исходить отъ до-классическихъ литературныхъ формъ, какъ болѣе архаичныхъ, восстанавливаемыхъ частью на основаніи древнѣйшихъ рукописей, равно какъ древнихъ армянскихъ заимствованій въ грузинскомъ, частью путемъ теоретическимъ. Въ

сопоставленіяхъ съ мушскимъ діалектомъ слѣдовало бы пользоваться средневѣковымъ литературнымъ языкомъ. При такомъ методѣ, по моему единственно правильномъ, была бы сохранена историческая перспектива языка и, главное, осталось бы меньше простора для рискованныхъ догадокъ.

Теперь нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ г. М-цъ обращается съ понимаемымъ имъ «грабаромъ». Прежде всего здѣсь смущаетъ нѣкоторая неопредѣленность при обсужденіи лингвистическихъ явленій. Такъ, напр. въ примѣчаніи на стр. 52 (въ текстѣ) читаемъ: «при обычномъ 2 р. pl. act. *օրրեցէք* . . . . встрѣчается также иногда *օրրեցէք*». — Гдѣ встрѣчается? Ссылка на Багратуни не помогаетъ: тамъ также нѣтъ точныхъ указаній.

На той же страницѣ (52) находимъ: «Вм. *i* встрѣчается иногда въ рукописяхъ также *iu*» и пр. — Въ какихъ рукописяхъ? Если бывшихъ въ рукахъ автора, то слѣдовало бы съ точностью указать. Если же извѣстныхъ ему по печатнымъ изданіямъ, то нужно было цитовать изданія: «*iu*» вм. «*i*» встрѣчаемъ вѣдь и въ печатныхъ текстахъ, напр. *ճառք* I. Златоустъ, Ճառք, Вен. 1826, стр. 651.

Объ орфографіи рукописей у автора составилось представленіе, не совсѣмъ соответствующее дѣйствительности. Такъ напр. на стр. 84 — 85 онъ пишетъ, будто круглое *o* введено въ армянское письмо съ XII вѣка, и оно замѣнило съ XII вѣка «написаніе *au*, когда оно выражало диттонгъ *au*». Появленіе круглаго *o* съ XII вѣка пока не установлено. Затѣмъ, само значеніе этого круглаго *o* не было установлено даже въ XVI — XVII вѣкахъ: однѣ рукописи этой эпохи придаютъ этому начертанію значеніе *o*, другія значеніе *ou*<sup>1)</sup>, а третья совсѣмъ его игнорируютъ.

На стр. 92 авторъ говоритъ о диакритическомъ значкѣ *q* надъ буквою *օ* группы *օ* въ «граб. рукописяхъ», но не указываетъ, съ какого времени появляются въ рукописяхъ подобные диакритическіе знаки.

На стр. 45 — 46, § 31 онъ принялъ за фонетическое явленіе чисто орфографической фактъ. Какъ извѣстно, армянское долгое *ē* (*է*) получилось изъ сложенія *ե* съ *յ*, т. е. изъ группы *էյ*. Во многихъ рукописяхъ этотъ звукъ такъ и писался сполна *էյ*, въ другихъ изъ группы *էյ* выбрасывалось полугласное *յ*, но при этомъ въ возмѣщеніе его надъ *ե* ставилось удареніе (´), въ третьихъ, и это въ менѣе тщательныхъ рукописяхъ, опускалось и это удареніе: тогда вм. *ē* долгаго получалось *e* короткое, но, очевидно, тутъ имѣемъ дѣло исключительно съ орфографическимъ фактомъ, но указанный фактъ г. М-цъ разсматриваетъ въ связи съ фонетическими явленіями.

1) У г. М-ца есть указаніе на это, но о времени такого употребленія «*o*» онъ ничего не говоритъ.

На стр. 46 г. М-ць говорить о двухъ разновидностяхъ  $\dot{\zeta}r\dot{t}awaw\dot{w}h\dot{t}$  и  $\dot{\zeta}r\dot{t}awaw\dot{w}h\dot{t}$ , тогда какъ  $\dot{\zeta}$  въ первомъ случаѣ является по недоразумѣнію, именно по аналогіи съ  $\zeta r\dot{t}h\dot{g}$ , гдѣ  $\dot{\zeta}$  является результатомъ сліянія  $t + j$ , стекающихся по законѣрному ослабленію  $t\omega$  въ  $t$  ( $\zeta r\dot{t}h\dot{g}$ , род.  $\zeta r\dot{t}(w)j\dot{t} = \zeta r\dot{t}j\dot{t}$ ).

На стр. 39, въ примѣчаніи 2, по примѣру Патканова, и г. М-ць въ сослагательномъ ожидалъ бы  $*q\dot{t}\dot{h}\dot{n}\dot{c}g\dot{n}\dot{c}d$  вм.  $q\dot{t}\dot{h}\dot{n}\dot{c}g\dot{n}\dot{c}d$ . Это ожиданіе не основательно:  $q\dot{t}\dot{h}\dot{n}\dot{c}g\dot{n}\dot{c}d$  не только единственно употребительная форма, но и вполне гармонируетъ съ строемъ арм. спряженія: какъ отъ вспомогат. глагола  $t$  (геср.  $\dot{t}\omega$ ) сослаг.  $*t\dot{g}t\dot{d}$  (откуда и  $h\dot{g}t\dot{d}$ ), такъ отъ вспомогат. наго  $n\dot{c}$  (геср.  $\dot{w}$ ) — сосл.  $n\dot{c}g\dot{n}\dot{c}d$ . Напротивъ, форма  $*n\dot{c}g\dot{n}\dot{c}d$  была бы искусственнымъ образованіемъ по дурно понятой аналогіи.

На стр. 25, въ примѣчаніи, внесенномъ въ текстъ, авторъ говорить о полученіи «грабарнаго»  $t$  «изъ дифтонгическаго сочетанія  $hw$ ». Затѣмъ на страницѣ 26-ой онъ въ подтвержденіе приводятъ примѣры, по которымъ примѣръ не подтверждаетъ этого мнѣнія о полученіи  $t$  изъ  $hw$ . Всѣ эти примѣры — сложные слова. Армянскія сложные слова не всегда нуждаются въ «соединительномъ» гласномъ  $w$ . Если напр. основа перваго изъ слагаемыхъ словъ оканчивается на  $t\omega$ , то второе слово присоединяется къ этой основѣ непосредственно, при чемъ при отсутствіи ударенія на  $t\omega$ , это  $t\omega$  по праву ослабѣваетъ въ  $t$ . Такимъ образомъ  $\dot{r}w\dot{r}t\dot{q}r\dot{d}$  получено не изъ  $\dot{r}w\dot{r}hw\dot{q}r\dot{d}$ , а изъ  $\dot{r}w\dot{r}t\dot{q}r\dot{d}$ .

На стр. 116, § 152, г. М-ць сопоставляетъ  $sa\dot{g}aw = sa\dot{g}aw$ , т. е. авторъ хочетъ сказать, что мушское  $sa\dot{g}aw$  жаждущій равняется древнелитературному  $sa\dot{g}aw$  (то же самое на стр. 127, § 179), но въ древнелитературномъ армянскомъ только  $\dot{d}w\dot{r}w\dot{c}h\dot{t}$ :  $\dot{d}w\dot{r}w\dot{c}$  есть вульгарная форма, внесенная, быть можетъ, мушскимъ писцомъ<sup>1)</sup>.

Точно также  $\dot{z}h\dot{w}aw\dot{h}$  на стр. 125, § 173 у г. М-ца по недоразумѣнію стоятъ въ роли «грабарнаго» слова.

Слѣдовало избѣгать не только вульгарныхъ словъ, но и вульгарной орфографіи. Г. М-ць напр. пишетъ  $ai\dot{h}g$  (стр. 128, § 181), когда слѣдуетъ писать  $ale\dot{h}g$  (собст.  $ale\dot{v}g$ ), какъ и находимъ въ хорошихъ спискахъ древнихъ памятниковъ ( $w\dot{r}t\dot{c}r$ ).

На стр. 101 — 102, § 122 отмѣчены «двойныя написанія»  $nasalis + tenuis$  и  $nasalis + media$ , но они свойственны лишь позднѣйшимъ рукописямъ

1) Впрочемъ надо еще указать древнеарм. памятники, гдѣ  $\dot{d}w\dot{r}w\dot{c}$  употребляется въ значеніи жаждущаго: цитаты *Больш. Словаря*, подъ этими словами, помимо того, что не извлечены изъ первыхъ классиковъ, новсе не содержатъ этого слова и приведены по недоразумѣнію (изъ Ламбр.  $\dot{d}w\dot{r}w\dot{c}$  слѣзали  $\dot{d}w\dot{r}w\dot{c}$   $t$ , а изъ I. Кат.  $\dot{d}w\dot{r}w\dot{c}$   $\dot{w}$ ) представляеть вульгарное написаніе  $\dot{d}w\dot{r}w\dot{c}$   $\dot{w}$ ).

и, следовательно, къ «грабару» г. М—ца, т. е. классическому древнесармянскому языку это замѣчаніе не применимо.

Приведенные на 102 стр. примѣры — всё вульгаризмы; ссылка на рукопись *Исторіи Сократа* не измѣняетъ положенія: она написана не раньше 1289 года, а вульгаризмы стали проникать въ армянскіе списки значительно раньше.

На стр. 112, § 144 указываются въ «грабарѣ», значитъ, въ классическомъ литературномъ языкѣ двойныя формы *իւծ* и *իւձ* и др., но это опять такъ зависить отъ того, что въ позднѣйшіе списки древнихъ памятниковъ переписчиками вносились вульгарныя формы: о двойныхъ формахъ въ «грабарѣ» въ такихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи.

На страницѣ 30, § 12, 2 г. М-цъ указываетъ, что въ Евангеліи отъ Матвѣя (26, 36) вецц. рукопись читаетъ *Գեթսամանի* вмѣсто обычнаго *Գեթսեմանի*, и что «быть можетъ, это написаніе съ а объясняется ассимиляціей с послѣдующему а». Во первыхъ, добавимъ, что это слово встрѣчается еще у Марка 14, 32, и здѣсь уже въ печатномъ изданіи Библіи 1805 года замѣчено, что рядомъ съ *Գեթսամանի* въ рукописяхъ понадается чтеніе *Գեթսամանի*. Затѣмъ, по моему, едва ли тутъ есть необходимость въ какой-либо ассимиляціи. Разница двухъ формъ одного и того же слова совершенно яснаго происхожденія. Обычная форма *Գեթսեմանի* есть непосредственная передача слова по греческому тексту Γεθσημανη, а другая, болѣе архаическая форма *Գեթսամանի* есть уже передача сирійскаго ܓܝܬܫܡܢܝ. У армянъ первый переводъ Евангелія былъ сдѣланъ по сирійскому тексту: въ сирійскомъ гласные не пишутся, и переводчики могли прочесть *Գեթսամանի*. Впоследствии при исправленіи армянской Библіи по греческому подлиннику была, очевидно, восстановлена греческая форма. Что гораздо раньше въ армянскомъ текстѣ стояла форма *Գեթսամանի*, видно еще изъ того, что грузины, первоначально переведшіе книги св. Писанія съ армянскаго языка, сохранили намъ и у *Матвѣя* и у *Марка* именно эту форму (გეთსამანის), съ а вм. е.

На стр. 140, § 217 съ появленіемъ придыханія *h* предъ гласнымъ началомъ слова въ *Հաղանիմ* вм. *աղանիմ* г. М—цъ хочетъ сопоставить то, что греческое ἕνος; въ армянскомъ звучитъ *Հեթանոս*. Но эти два факта ничего общаго не имѣютъ между собою: *Հեթանոս*, хотя и греческаго происхожденія, но заимствовано это слово армянами не прямо отъ грековъ, иначе оно звучало бы, какъ въ греческомъ, безъ *ա* (*եթանոս*), а при посредствѣ сирійской литературы, въ которой приходится предполагать его существованіе: сирійцы передавали начальное *ε* греческихъ словъ черезъ *σ*, и затѣмъ, такъ какъ гласные въ сирійскомъ письмѣ не пишутся, то *h-θ-π*ос

можно было читать *heḡanos*, въ какомъ видѣ и усвоили это слово армяне. Словомъ, въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ дѣла съ армянскимъ діалектическимъ явленіемъ.

На стр. 31 въ примѣчаніи (въ текстѣ), указавъ на рядъ случаевъ чередованія е съ і, г. М—цѣ пишеть: «намъ кажется, что если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ во многихъ изъ этихъ случаевъ, болѣе древними формами слѣдуетъ считать формы, имѣющія і, въ виду того, что въ косвенныхъ падежахъ (равно какъ и въ производныхъ и въ сложенияхъ) мы имѣемъ или полное исчезновеніе или ослабленіе (въ ə) этого і».

Доводъ г. М—ца основанъ на томъ, что въ древнелитературномъ *t* онъ не различаетъ двухъ его видовъ: одного вида *t* это дефектное начертаніе *vm. t̄*, т. е. долгого *ē*, или постоянное ослабленіе дугласнаго *tω*, *gesp. ē*. Это долгое *ē*, конечно, никогда не ослабѣваетъ въ полугласное *ɹ* и не исчезаетъ, такъ напр. *t̄q̄ḡ*, *q̄t̄ω*, *ɹ t̄q̄rɹu*, *ɹωωt̄q̄t̄r* изъ *ɹωωt̄q̄t̄ωr*, *ωq̄ωt̄ɹ* изъ *ωq̄ωt̄ɹ-ɹt̄ωr* и т. п. Другого вида *t* это настоящій краткій гласный звукъ *t*, который, лишаясь ударенія, ослабѣваетъ въ полугласное *ɹ* или даже совсѣмъ исчезаетъ совершенно также, какъ краткое *t* и краткое *ω*, напр. *ɹt̄ɹt̄q̄ḡ* (*ɹt̄ɹt̄q̄ḡḡ*). Сюда же относятся и приводимые г. М—цемъ случаи *ωωt̄q̄ḡ* (*ωωq̄ḡḡ*), *q̄t̄q̄ɹ*, *ωt̄q̄t̄q̄* и рядъ другихъ.

Къ сожалѣнію для изслѣдователей, словъ съ такимъ краткимъ *t* сравнительно мало, такъ какъ при сильной тенденціи къ замѣнѣ древнелитературнаго *t* вульгарнымъ *t̄*, въ большинствѣ случаевъ *vm.* краткаго *t* имѣемъ краткое *t̄*. Замѣна *t* позднѣйшимъ *t̄* столь обычное явленіе и для меня столь ясное дѣло, что я останавливаться на этомъ не буду.

На стр. 51, § 36, 1) читаемъ «astγ 'звѣзда' *vm.* astiγ», т. е. г. М—цѣ предполагаетъ болѣе древнюю армянскую форму *astiγ*, но въ такой формѣ нѣтъ никакой надобности и по всей вѣроятности ея никогда не существовало: *ɹ* является и *vm.* *t* — *ωωt̄q̄ḡ*. Уже въ *ωωt̄q̄ḡ* имѣемъ само по себѣ ослабленіе, такъ какъ праармянская форма слова \**ωωt̄q̄ḡ*, почему въ оглож., по исчезновеніи ударенія съ дугласнаго *tω* и соответственнымъ ослабленіи, имѣемъ *ωωt̄q̄ḡ*. Дальнѣйшее же ослабленіе *t* въ полугласное есть позднѣйшее явленіе, основанное на смѣшеніи этого *t* съ краткимъ *t̄*.

Далѣе, въ § 37, (3), стр. 52 читается: «*Vm.* *i* встрѣчается иногда въ рукописяхъ также *iv*». — Такое чисто механическое описаніе подмѣченнаго г. М—цемъ звукового явленія затемняетъ истинное значеніе двойственной орфографіи. Изъ предлагаемаго г. М—цемъ «вѣроятнаго» объясненія («вѣроятно это написаніе искусственное и возникло подъ влияніемъ какой-нибудь графической аналогіи») я вижу, что фактъ этотъ не понять. Въ замѣченномъ г. М—цемъ фактѣ дѣло имѣемъ не съ орфографическимъ явленіемъ,

а чисто фонетическимъ. Не «вм. і» встрѣчается *iu*», а, напротивъ, і является ослабленіемъ *iu* (*h*) въ рядѣ случаевъ; обыкновенно это ослабленіе двугласнаго *h* въ *h* было связано съ потерей ударенія, но тоже самое ослабленіе происходило съ теченіемъ времени независимо отъ ударенія, по аналогіи: *h* является однимъ изъ армянскихъ эквивалентовъ долгаго *i*, поему շահիղ *shavi* = транскр. свр. **شاهي**, съ долгимъ *i*, равно *ph*իղ *ph*il = **بيل**. Есть другіе, болѣе характерные примѣры, какъ то — *qh*ւո<sup>1)</sup> и *qh*ւ, *qh*ւր (*din*աղիւր) и *qh*ր.

Въ § 37, 2), стр. 52 встрѣчаемся съ утверженіемъ: «і чередуется съ э», но что это значить? Не есть ли это чередованіе частный случай примѣненія какого либо общаго звукового явленія? А если есть, то слѣдовало и въ изложеніи исходить изъ этого общаго явленія. — Дѣло въ томъ, что не «і чередуется съ э», а простое, краткое *h* ослабѣваетъ въ *р* при отходѣ ударенія *ըրբիան*, *ըսուհ* вм. *իըրբան*, *իսուհ*, и такіе случаи въ этнхъ словахъ наблюдаются довольно рано, ср. напр. *ըսուսորը*, Григорій Нарекскій, *Толков. Писни Писней*, стр. 279, 20.

На стр. 51, § 36, 2) читается: «Гр. і (различнаго происхожденія) сохранялось только въ положеніи конечномъ слогѣ». Однако имѣемъ: *իրակուհը*, *իրիը* (род. отъ *իը*), *իւնի* (отъ *ինի*), *իմաստ* *իուհը* и пр. Несостоятельность этого параграфа основана на томъ, что г. М—цемъ не замѣчено существованіе двухъ і въ древнеарм.: а) і (*h*) и б) і (*h* изъ \**h*), параллели къ *h*).

Мѣстами, конечно, встрѣчаемъ въ настоящей работѣ вѣрныя наблюденія по фонетикѣ габара, но въ общемъ изложеніе фонетики г. М—ца звуковую систему древнеармянскаго языка, особенно въ части о гласныхъ, представляетъ въ невѣрномъ освѣщеніи. Но такое же въ общемъ невѣрное представленіе о системѣ армянскихъ гласныхъ господствуетъ въ работахъ лингвистовъ-армянствовъ.

Кромѣ того, всѣ эти довольно многочисленные параграфы у г. М—ца о звуковыхъ явленіяхъ въ «гараб»ѣ, быть можетъ и очень поучительные сами по себѣ, по существу ничего не прибавляютъ къ изученію мушскаго діалекта, и съ этими параграфами мы простимся.

Переходимъ къ основной части работы.

Авторъ не опредѣляетъ даже приблизительно территоріи мушскаго діалекта: изъ его словъ на стр. XII (примѣч. 2) Введенія узнаемъ, что Мушь находится въ мушскомъ санджакѣ Битлискаго вилаета; но для опредѣле-

1) Объясненіе Гюбшмана, Бугге (§ 103, 2, стр. 92 у г. М-ца) основано на фантастической формѣ.

нія площади мушского діалекта слѣдовало бы дать болѣе точныя границы. Не разъ, такъ на стр. 24, 37, 135 и 136 авторъ говоритъ то о «пѣкото-рыхъ», то «о всѣхъ говорахъ мушского діалекта», но какіе это говоры и что за говоры, и сколько ихъ, такъ и остается загадкою.

О лицахъ, служившихъ г. М—цу источниками мушского діалекта и его говоровъ, слѣдовало бы дать подробныя свѣдѣнія, но крайней мѣрѣ о лѣтахъ, о занятіяхъ и о роднѣхъ каждаго.

Транскрипція г. М—ца не выдержана, она немножко графическая, немножко фонетическая, и въ общемъ ни та, ни другая, и потому неудовлетворительная. Прежде всего, г. М—ць придыхательные цѣльные въ армянскомъ звукѣ транскрибируетъ двумя буквами *ϕ* черезъ *ph*, *ϑ* черезъ *th* и *ϕ* черезъ *kh*. Отъ этихъ начертаній въ лингвистическихъ работахъ непременно надо отказаться, иначе путаницы не избѣжать: при этой транскрипціи нельзя будетъ отличать напр. классическое произношеніе *սեփական* серѣнакан отъ вульгарнаго *սեփական* serhakan. Болѣе того, въ транскрипціи г. М—ца *աշա* незрѣлый и *թա* чаша будетъ писаться тождественно *thas*, и это тѣмъ неизбѣжнѣе, что г. М—ць въ древнеармянскомъ не пишетъ подразумеваемаго *ϕ* (см. ниже). Равнымъ образомъ глаголь *կանի* средневѣковыхъ памятниконъ, означающій извлечь, и числительное *քանի* сколько, у г. М—ца будетъ одинаково писаться *khanı*, хотя произносятся они различно.

Болѣе того, одна и таже буква *ı* служить для передачи то *ı* (*sirt* и т. п.), то *ı* (*kaıcakn* [*կարծակի*] 103,6; *gail* [*գյլ*] 104,10; *aıgi* [*այդի*] 104,13; *khoıg* [*քյր*] 114, § 148,2. Къ тому же въ началѣ, какъ и въ исходѣ для передачи *ı* служатъ еще *y* (*yaruthıun* 121, § 163a; *marđoy* 114, § 148,2).

Г-нъ М—ць мѣстами какъ будто даетъ фонетическую транскрипцію, но въ тоже время не находитъ нужнымъ транскрибировать звукъ *ϕ* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ несомнѣнно долженъ бытъ читанъ, хотя въ письмѣ отсутствуетъ (напр. *dsterkh* стр. 24, § 12 *vm.* *dæsterkh*, граб. *mšak* 103,9 *vm.* *məšak*, *tʻaıkh* 105,22 *vm.* *təʻaıkh* и т. п.).

Судя по страницамъ XVII—XIX, г. М—ць различаетъ два звука *ы* и *ϕ*, первый (*ы*), очевидно, въ мушскомъ діалектѣ или вообще въ современныхъ говорахъ, повидному подъ вліяніемъ турецкаго: одинъ изъ нихъ онъ называетъ со словъ Гюбшмана «unbestimmter Vocal» (стр. XVIII), а другой условно называетъ «неопредѣленнымъ» звукомъ. Термины какъ будто и тождественны, но дѣло не въ томъ; г. М—ць признаетъ два звука «ы» и «*ϕ*», а транскрибируетъ ихъ однимъ и тѣмъ же начертаніемъ *ə*.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ положеніе звука, обуславливающее то или другое его измѣненіе въ мушскомъ діалектѣ, г. М—ць квалифицируетъ

такъ: «положеніе въ началѣ и въ концѣ слова» и «положеніе внутри слова», напр. на стр. 118 (§ 157).

Вообще въ существенной части своей работы г. М—ць строго держится вышнихъ описательныхъ приемовъ; авторъ классифицируетъ діалектическіе факты, подмѣченные имъ, по извѣстному шаблону, отождествляя ихъ съ тождественными или почти тождественными фактами габара.

При такомъ характерѣ работы ошибка, сколько нибудь важная, не можетъ имѣть мѣста, но и результаты ограничиваются шаблоннымъ классифицированіемъ тѣхъ явленій, которыя бросаются въ глаза каждому, свѣдущему въ армянской грамотѣ.

Даже тогда, когда слова г. М-ца свидѣлствуютъ о не исполнѣннѣй оцѣнкѣ извѣстнаго явленія, трудно ему возражать, такъ какъ его слова всеже даютъ вышнее описаніе явленія, а этого при характерѣ работы г. М-ца вполне достаточно.

Напр. на стр. XXIII введенія, въ послѣдней (22-ой) статьѣ г. М-ць пишетъ: «Удареніе въ мушскомъ имѣетъ опредѣленное мѣсто: это — послѣдній слогъ слова, если только этотъ слогъ не содержитъ неопредѣленнаго гласнаго (ə); въ послѣднемъ случаѣ удареніе является на предпоследнемъ слогѣ». — Очевидно, удареніе въ мушскомъ такое же, какъ въ «гарабарѣ», гдѣ удареніе ставится на второмъ слогѣ съ конца, причемъ послѣдній слогъ ослабѣваетъ въ *р* или, въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ, совершенно опускается. [Впрочемъ и это опусканіе я считаю лишь кажущимся и объясняю вліяніемъ живого языка на чтеніе классическихъ текстовъ]. При такихъ обстоятельствахъ нельзя по существу говорить, что удареніе стоитъ на послѣднемъ слогѣ; по существу неправильно было бы также утвержденіе, что удареніе стоитъ на предпоследнемъ слогѣ тогда, когда послѣдній слогъ содержитъ неопредѣленный звукъ *р*. Совсѣмъ наоборотъ: неопредѣленный звукъ *р*, ослабленіе любого простого гласнаго, появляется въ послѣднемъ слогѣ потому именно, что на послѣднемъ слогѣ удареніе не ставится.

На стр. 108, § 136 для объясненія мушскаго *վաճառակ* при древнеармянскомъ *վաթառակ* имѣть надобности въ старой группѣ *cs (du): վաճառակ* = \**վաթառակ*, ибо въ мушскомъ «внутри слова» *աթակ* при габ. *թ* (*վաթառակ*) согласно съ § 135 изслѣдованія самого г. М-ца (ср. еще стр. 142, § 222).

Въ этой же части работы г. М-ць какъ будто избѣгаетъ разсужденій, даже когда они напрашиваются. Такъ, на стр. 132, § 192 г. М-ць говорить объ исчезновеніи *ı* въ группѣ *ıı* въ словѣ *առակեր* откуда получилось мушское *аеіе*. Правда-ли тутъ безслѣдное исчезновеніе *ı*? Но откуда это *е*? Почему не *аеіе*? — Средневѣковые памятники, подлежащіе въ значитель-

ной стени пока въ рукописяхъ [теперь см. Марръ, *Сборники притчъ Вардана*], автору могли бы дать обильный и надежный матеріалъ, чтобы разъ навсегда установить такую формулу исторіи отмѣннаго соответствія: класс. aġnel > среднев.  $\frac{a\underline{y}nel}{e\underline{y}nel (\bar{e}uel)} > \frac{a\underline{n}iel}{\text{муш. eniel.}}$

Вообще, памятники средневѣковой армянской литературы представляютъ богатый кладъ для изслѣдователя живыхъ говоровъ. Непосредственное знакомство съ ними для діалектолога это *conditio sine qua non*.

На стр. V-ой Дополненій и Исправленій г. М-цъ пишетъ: «Упрощеніе группы -п- въ -п можно отмѣтить и въ sraġel убитъ вм. ожидаемаго \*sraġnieł при граб. sraġaneł». — Ожидаемое г. М-цемъ «sraġnieł», resp. sraġneł весьма обычная форма въ средневѣковыхъ памятникахъ.

На стр. 142, § 221 г. М-цъ объясняетъ m въ bame изъ сліянія двухъ m̄m, представляющихъ ассимилированную группу m̄m (bamm > bamm > bam). Мысль автора стала бы еще очевиднѣе, если бы онъ указалъ на случая сліянія двухъ m̄m въ одно въ средневѣковыхъ памятникахъ, гдѣ это явленіе наблюдается, такъ напр. *Տաճի* вм. *ՏաճԻ* [теперь могу сослаться и на печатный текстъ, *Сборники притчъ Вардана*, II, № 50,5].

На стр. 127, § 179 и стр. 138, § 211 г. М-цъ сопоставляетъ мушское *շըճաւոր* съ древнелитературнымъ *շնորհաւոր*. Но между *շնորհաւոր* и *շըճաւոր* есть посредствующая форма, встрѣчающаяся въ средневѣковыхъ памятникахъ, въ частности два раза въ надписи 1276 года на развалинахъ дворца одного Ашійскаго правителя въ Мренѣ. Эта литературная средневѣковая форма звучитъ *շնհաւոր* (Н. Марръ, *Новые матеріалы по армянской эпиграфикѣ* З. В. О., т. VIII, стр. 83). Въ сравненіи съ этою формою въ мушской, приводимой г. М-цемъ, наблюдаемъ выпаденіе h, свойственное и другимъ діалектамъ, и сліяніе двухъ a, свойственное и діалектамъ, и литературному языку.

Средневѣковой литературный языкъ, конечно, воспринималъ много народныхъ элементовъ; но эти мѣстные народные элементы, внесенные разъ въ литературный памятникъ, становились съ теченіемъ времени общепармянскимъ достояніемъ, изъ грамотной среды проникали въ народъ и могли усваиваться различными діалектами. Это обстоятельство особенно надо имѣть въ виду въ такихъ случаяхъ, когда въ рядѣ діалектовъ одно и тоже звуковое явленіе повторяется исключительно въ однихъ и тѣхъ же словахъ, такъ напр. (стр. 141, § 220) перестановку г въ словахъ *կարսիտ, կարճուք, դարսակ* и *դարճակ* мы встрѣчаемъ уже въ литературныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ.

Соотношенія между формамъ литературными и діалектическими, при

сколько нибудь нестандартном уклонении последних, г. М-цу как будто не удается схватить, напр. в Дополнениях и Исправлениях, на стр. III в дополнении 10-ой строки снизу 49-ой страницы г. М-цъ открывает в «некоторых армянских диалектах» «индоевропейский [предлог] \*ni». Это ni, судя по примечанию на той же III-ей странице Дополнений и Исправлений, г. М-цъ узнает в выражениях  $ni \frac{e|e|}{o|e|}$ , ni mnel (mtnel) и т. п.

Это ni однако есть лишь вульгарная диалектическая форма литературного neg ( $\delta t r$ ), утерявшего плавный исход и замбийнаго книжное  $t$  вульгарным  $k$ . Формулу истории этого предлога можно изобразить так: класс. neg > среднев.  $\frac{ney}{niy}$  > соврем.  $\frac{ne}{ni}$  (ср.  $\psi t r > \psi k$  в  $\psi k \psi \omega \omega$  вм.  $\psi t r \psi \omega \omega$ ). Таким образом сь индоевропейским ni приходится отождествлять древнелит. neg, и тогда неумѣстность такого отождествления становится очевидною. Само явление, именно замена  $t$  вульгарным  $i$  и падение  $g$  в полугласный звук  $y$ , исчезающий послѣ  $i$  безслѣдно, свойственно и другим диалектам, напр. Арабатскому (въ частности Эриванскому), Ширакскому (въ частности Тифлисскому) и т. д. и во всякомъ случаѣ ничего специфически мушскаго не представляетъ.

Г. М-цъ находитъ важныя отлечія мушскаго діалекта отъ «грабаръ» въ томъ, что по существу обще и «грабару», и мушскому диалекту. Напр. на стр. 139 подъ рубрикою случая, въ которыхъ въ мушскомъ появляются звуки, отсутствующіе въ грабарѣ, г. М-цъ говоритъ о появлении  $d$  въ группѣ  $ng$ , т. е. о группѣ  $ndg$  вм.  $ng$ , напр.  $\delta \omega \delta r r$ ,  $\delta \omega \delta r r$  и пр. вм.  $\delta \omega \delta r$ ,  $\delta \omega \delta r$  и т. д. Но это явление наблюдаемъ мы и въ «грабарѣ», хотя и не въ тѣхъ же словахъ. Такъ направлятельный падежъ отъ  $\omega \delta = \omega \delta$  долженъ былъ звучать \* $\omega \delta r$ , согласно  $\omega \omega r$  и  $\omega \omega r r$  или \* $\omega \delta r$  (съ ослабленіемъ  $\omega$  въ  $\omega$ ), но вмѣсто этой формы имѣемъ  $\omega \delta r r$ .

При такомъ положеніи вещей, быть можетъ, и лучше, что авторъ настоящей работы вообще уклоняется отъ обобщеній фактовъ и принципиальнаго ихъ обсуждения и сосредоточиваетъ свое вниманіе на сухомъ описаніи подвергшихся его наблюденію явленій. Требуемая здѣсь филологическая акривія авторомъ соблюдена безукоризненно, а на двѣ—три замѣченныя мною мелочныя погрѣшности можно смотрѣть, какъ на опечатки и вообще неизбежныя случайныя недосмотры.

Такъ на стр. 117, § 155, г. М-цъ ссылается на свои «Матеріалы по мушскому диалекту, р. 7», надо полагать, по забывчивости, такъ какъ они, эти матеріалы, пока въ рукописи, и ссылка на ея страницы для читателя излишняя роскошь.

На стр. 144 въ дополненіе къ примѣч. 2 на стр. 19 по литературѣ объ Аралезахъ г. М-цъ цитуетъ Վ Էպք Նճոյն Հայաստանի (на древеарм. яз.), а въ скобкахъ прибавляетъ: «Есть и франц. переводъ этого изслѣдованія». Если допустить, что кто либо способенъ въ специальномъ діалектологическомъ изслѣдованіи искать литературу объ армянскомъ эпосѣ, то, очевидно, такому лицу надо назвать также имя французскаго переводчика и мѣсто изданія перевода.

На стр. 123 — 124, § 168 читаемъ, что «въ соотвѣтствіи съ граб. sk встрѣчается также и s», а въ примѣрахъ нѣчто совсѣмъ другое.

На стр. 10, 12 — 13 въ качествѣ примѣровъ съ окончаніемъ «an, какъ суфф. gen. (dat.) sing. извѣстныхъ основъ» на первомъ мѣстѣ г. М-цъ называетъ *ան* и *ան*, упустивъ изъ виду, что въ этихъ словахъ an относится къ основѣ и вовсе не есть «суффиксъ» какого бы то ни было падежа.

На стр. 119 — 120 г. М-цъ посвящаетъ цѣлый параграфъ § 160 оспариванію мнѣнія покойнаго Патканова о соотвѣтствіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ «грабарному» придыханію h мушкаго твердаго х. И этотъ параграфъ по существу, но въ иной, болѣе краткой редакціи, г. М-цъ повторяетъ въ параграфѣ двѣсти второмъ на стр. 138.

На стр. 125, § 171 г. М-цъ ссылается по поводу нахичеванскаго «egac» на Патканова, но у Патканова въ указанномъ мѣстѣ *egac* (*հրած*), а не *egac* (*երած*).

На стр. 103, § 124, строки 11 — 12: *աղբառ* *застракъ*, будто бы «грабарное» слово и въ спискѣ первой г. М-цъ замѣчаетъ, что этого слова въ *В. сл.* нѣтъ. Это невярно: Въ *Большомъ словарѣ* имѣется оно, но въ отдѣлѣ вульгарныхъ словъ (*Հաներևած աշխարհի բառք*, II т., стр. 1060). Въ «грабарѣ» этого слова нѣтъ.

Въ Addenda и corrigenda къ § 5 (стр. 144) г. М-цъ пишетъ: «Грабарную форму *ḡraçaçaran* [*Ջրաղացան*] приводимъ изъ «Ручн. Словаря Арм. языка... въ *В. Сл.* ея нѣтъ». — Между тѣмъ въ *Большомъ словарѣ* это слово имѣется на своемъ мѣстѣ съ цитатою изъ Мхитара Гоша (*Судебник*).

Разобранная книга г. М-ца по замыслу весьма симпатична; выполнена она съ большимъ стараніемъ и любовью къ дѣлу, и при всѣхъ указанныхъ промахахъ, отчасти, быть можетъ, и спорныхъ, научная полезность ея для меня стоитъ вышѣ сомнѣній. Основная часть работы представляетъ попытку дать по одному изъ наиболее важныхъ армянскихъ діалектовъ классификацію вполне надежныхъ матеріаловъ, точно записанныхъ и въ большинствѣ ясно описанныхъ. Эскурсіи въ область сравнительнаго изученія фонетики грабара въ отношеніяхъ къ подоевропейской фонетикѣ свидѣтельствуютъ о хорошей освѣдомленности автора въ литературѣ вопроса и могутъ служить справоч-

нымъ пособіемъ, не лишенымъ значенія. Параграфы, посвященные звуковымъ явленіямъ въ самомъ древнеармянскомъ литературномъ языкѣ, выдвигаютъ впервые многіе любопытные вопросы по армянской фонетикѣ и отчасти намѣчаютъ путь къ ихъ рѣшенію. Кроме того, въ этомъ отдѣлѣ у г. М-ца пѣзъ всѣхъ лингвистовъ, занимавшихся армянскимъ, впервые обнаруживается стремленіе опираться — хотя бы мѣстами — непосредственно на рукописи, минуя словари и печатные, въ большинствѣ ненаучно изданные, тексты, причемъ для древнеармянскаго пытается обращаться къ древнѣйшимъ рукописямъ, а для средневѣковаго литературнаго языка — къ надписямъ. Наконецъ, во всѣхъ частяхъ работы видна хорошая лингвистическая школа, пройденная авторомъ, и мы очень будемъ жалѣть, если теоретическая подготовка молодого лингвиста не будетъ использована съ большою самостоятельностью и глубиною при разработкѣ армянскаго, сырого пока, лингвистическаго матеріала, тѣмъ болѣе, что и этотъ матеріалъ ему вполне доступенъ.

Н. Марръ.

**293. Marjory Wardrop and J. O. Wardrop, Life of St. Nino** [—F. C. Conybeare, The Armenian Version of Djouanshêr] (Studia biblica et ecclesiastica. Essays chiefly in biblical and patristic criticism by members of the University of Oxford), Oxford 1900, стр. 3 — 88.

Мѣстные, грузинскіе и отчасти армянскіе матеріалы для исторіи обращенія Грузіи въ христіанство давно стали доступными европейскимъ ученымъ, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ Grosset. Но послѣ Grosset на грузинскомъ языкѣ были открыты новые источники, сдѣланы новыя изданія, и значеніе подлежащей книги именно въ томъ и состоитъ, что основныя грузинскіе [1] *Житіе св. Нины*, стр. 7—58, 2) Отрывокъ о св. Нинѣ изъ *Обращенія Грузіи*, стр. 61 — 64] и армянскіе [1) Отрывокъ о св. Нинѣ изъ М. Хоренскаго, стр. 65 — 66, 2) *Житіе св. Нины* по армянскому переводу *Грузинскихъ мѣтописей*, стр. 67 — 88] источники по вопросу предложены вниманію интересующихся полностью въ переводѣ на англійскій языкъ. Кроме того, стр. 58 — 61 отведены въ извлеченію изъ *Церковной исторіи* Руффина объ обращенія Грузіи въ латинскомъ подлинникѣ.

Переводы въ общемъ сдѣланы удовлетворительно, хотя и не безъ неточностей мѣстами. Отмѣчу одну неточность въ переводѣ Conybeare'а съ армянскаго (стр. 67): несовсѣмъ понято мѣсто, играющее большую роль въ аргументаціи Conybeare'а, именно отрывокъ изъ 16-ой главы (Венеція 1884, стр. 104, 13 — 19) о появленіи на свѣгъ *Житія св. Нины*.